

НАГРУДНЫЕ УКРАШЕНИЯ

В целом ряде работ по материальной культуре или специально по одежде народов Поволжья украшения описываются в особом разделе, вне их непосредственной связи с одеждой. Нам кажется методически более правильным рассматривать украшения в связи с той одеждой, к которой они относятся и с которой связаны. При этом мы исходим из мысли, положенной в основу данной работы: возникновение стиля одежды и украшений — это не случайная мода, а творческий акт, имеющий свой закономерный внутренний смысл. На него нарастают в историческом процессе дальнейшие напластования, часто затушевывающие первоначальный смысл или хранящие рудименты его в силу бессознательной культурной традиции. Дело научного анализа не только констатировать эти рудименты традиции, но и постараться найти первоначальный смысл и проследить закономерности его изменений. Украшения, на наш взгляд, имеют два корня, из которых, разветвляясь и сплетаясь между собой, создаются разнообразные моды оформления одежды.

Первый корень, из которого возникли девичье-женские украшения у народов Поволжья, — это предметы, непосредственно с одеждой не связанные: раковины-ужовки, бусы из стекла и камня, металл, позднее перешедший в монеты. Вероятно, в основе их возникновения лежат талисманы, но выяснить и доказать это далеко не всегда возможно, да вряд ли это и поможет конкретному исследованию исторического изменения самой одежды.

Второй корень девичье-женских украшений народов Поволжья вырастает из связи с самим покроем одежды и имеет в основе утилитарное значение для оформления данного типа одежды. Для первого типа рубашки это пряжка-фибула, для второго типа — нагрудник, закрывающий нагрудную щель рубашки. Из этого целесообразного назначения разрастаются многочисленные нагрудные украшения, много раз сплетавшиеся между собой в длительном историческом процессе влияния друг на друга, так как ни один предмет, который

человек на себя одевает, не может в течение столетий сохраняться в полной неизменности: он теряет первоначальный смысл, переосмысливается или продолжает бытовать как рудимент, сочетающийся с другими предметами в новые формы. Для того чтобы проследить эти процессы и установить их закономерность, следует взять, как рабочую гипотезу, связь украшения с одеждой и отыскать, хотя бы предположительно, его первоначальный смысл. С этим намерением мы приступаем к описанию нагрудных украшений.

ЗАСТЕЖКА-СЮЛЬГАМ

Наиболее характерной особенностью мордовской рубашки является скрепление ворота, а в прошлом, вероятно, двух ее распашных половин, застежкой-фибулой.

Бытование в Поволжье различных фибул и, в частности, овальной, «подковообразной» фибулы (пряжки, сделанной из металлического прута, концы которого сведены так, что почти касаются друг друга, оканчиваясь спиральками или утолщениями, а сбоку к пруту прикреплена иголка) относится к очень древним временам.

И. Р. Аспелин считал ее римским влиянием, указывая, что совершенно аналогичные формы имеются в провинциальных римских фибулах.

Подобные пряжки распространены гораздо шире, чем пределы Поволжья. И. Р. Аспелин приводил 40 серебряных и 200 бронзовых экземпляров находок их на острове Готланде и говорил о существовании их в мерянских находках¹. А. А. Спицын констатировал подобную фибулу в могильниках бассейнов Оки и Камы². П. П. Ефименко утверждал, что она существовала почти всюду, где наблюдаются следы влияния Римской империи³.

В. В. Гольмстен считала, что овальная пряжка из металлического прута, с иглой, протыкающей одежду, а также пряжка из тонкой круглой штампованной пластинки, найденные в том же погребении (Кузьминский могильник, погребение 9), относятся к III веку нашей эры⁴.

¹ И. Р. Аспелин. О потребности изучения форм предметов в постепенном развитии этих форм. «Труды IV Арх. съезда», т. I, Казань, 1884, стр. 14—16.

² А. А. Спицын. Древности бассейна реки Оки и Камы. «Материалы по археологии России», № 25. Кошебеевский могильник, табл. XI, № 11, 13.

Барковский. Кузьминский могильник, таб. XIX, № 11, 12.

³ П. П. Ефименко. Средне-Волжская экспедиция. Изв. ГАИМК, 2 т., стр. 166.

⁴ В. В. Гольмстен. Хронологическое значение эволюции древних форм. Самарский государственный университет, 1923, таблица 1.

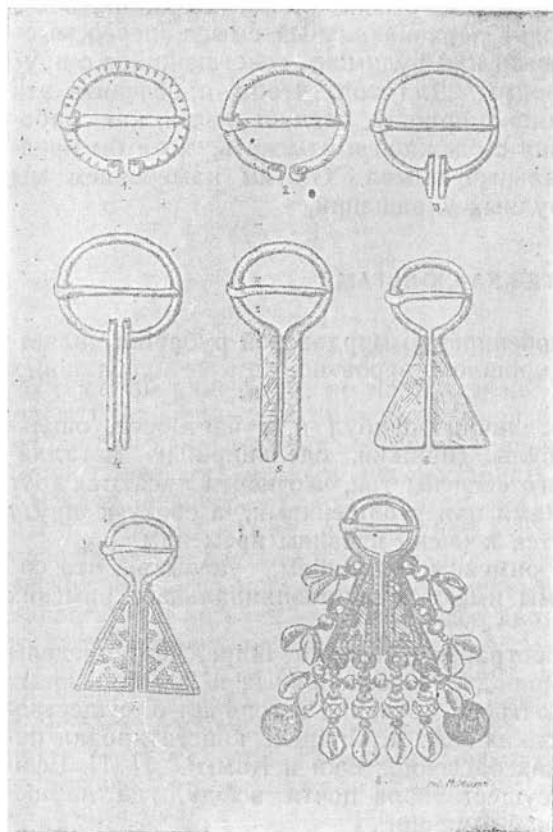

Рис. 27. Эволюция нагрудной пряжки в Поволжье.
По В. В. Гольмстен. Фото А. А. Гречкина.

«Интересно отметить, — пишет В. В. Гольмстен, — что рядом с сюльгамом появляется вновь древний тип пряжки, производным которой он является, пряжка в виде простого круглого кольца с иглой... Эта форма, почти исчезнувшая из употребления, снова возрождается, и причину этого следует видеть в том, что новый тип сюльгама начинает играть роль почти исключительно декоративную, а для служебных целей предпочитается простая, но более удобная форма»⁶.

⁶ В. В. Гольмстен. Хронологическое значение эволюции древних форм, стр. 12.

⁶ Там же.

Позднее эти пряжки проделывают сложную эволюцию, превращаясь в шумящие подвески, но в то же время они встречаются в могильниках и в более простом виде (см. рис 27).

Ушки овальной пряжки из металлического прута начинают удлиняться в виде двух палочек, постепенно расплывающихся и расширяющихся на конце. Вся пряжка в целом приобретает при этом форму кольца с иглой, оканчивающегося двумя прямоугольными треугольниками. В таком виде встречаем мы ее в Пичпандинском и Ефаевском могильниках, относящихся к IX—XI вв.⁵ Далее два треугольника сливаются между собой, образуя небольшую пластинку. Фибула такого вида бытует у мордвы до последнего времени под названием «сюльгам» (см. рис 28).

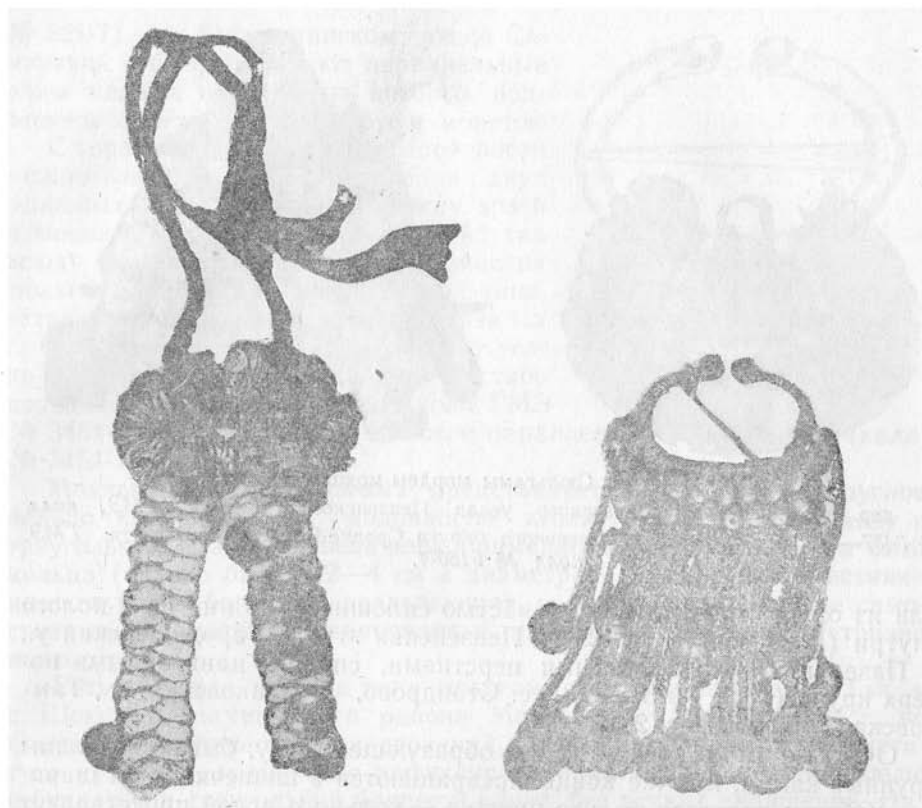

Рис. 28. Сюльгамы мордвы-эрзи.

а) с. Стандрово Темниковского уезда Пензенской губернии. ГМЭ, coll. № 3454-13;
 б) ГМЭ, coll. № 5582-49.

Таковы, очень кратко, данные, которые дает нам археология относительно эволюции нагрудной застежки, бытующие формы которой наблюдает в Поволжье этнография. Этнографические материалы помогают объяснить эволюцию этой фибулы.

Просматривая коллекции нескольких десятков мордовских сюльгамов Государственного музея этнографии в Ленинграде, мы можем констатировать два основных типа: 1) первый представляет собой овальную дугу с почти сходящимися краями, которые носят вверх, и целым рядом различных украшений, прикрепленных к нижней стороне дуги. Кольцо дуги бывает различно: оно состоит или из двух медных прутиков, спирально перевитых между собой, как веревка, с камнями, впаянными в концы этих прутьев (ГМЭ, coll. № 398-20).

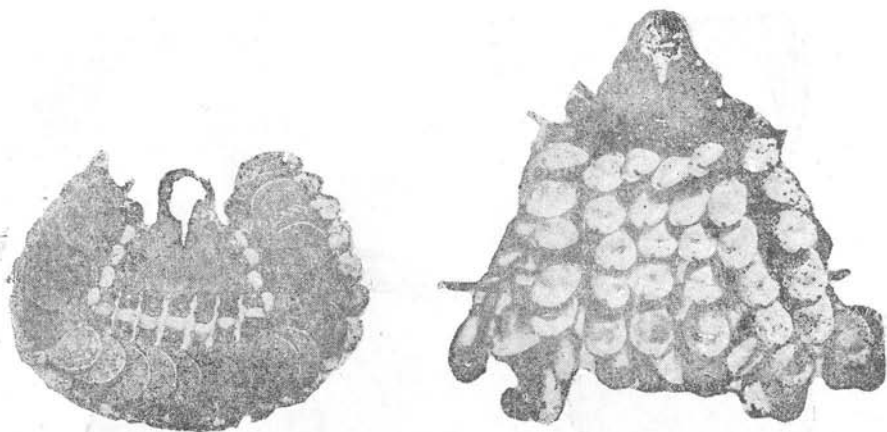

Рис. 29. Сюльгамы мордвы-мокши.

а) дер. Веченкино Наровчатского уезда Пензенской губернии. ГМЭ, колл. № 3437—21; б) с. Пичевка Пензенского округа Средне-Волжской области. ГМЭ, колл. № 5180-4.

или из одного прута, большей частью сплошного, но иногда и полого внутри (ГМЭ, колл. № 823 — Пензенская губ., Городищенский у., с. Пазелки), часто с медными перстнями, сплошь нанизанными поверх круга (колл. № 3454-13, с. Стандрово, Темниковский у., Тамбовская губ.; см. рис. 28).

Очень часто на концах прута, образующего дугу, бывают вделаны крупные камни, или же концы превращаются в шишечки типа шариков. Общим является то, что пряжка — кольцо с иглой представляет собой лишь остов, на который, с нижней стороны, нанизывают богатые и разнообразные украшения, слагающиеся из ужовок, бус, бисера, пуговиц, проволоки и цепочек. На эрзянке XVIII в. в книге П. С. Палласа одет такой сюльгам (см. рис. 2, стр. 13).

Второй тип, об эволюции которого писала В. В. Гольмстен, представляет собой ту же овальную дугу, но опущенные книзу концы ее постепенно разрастаются, переходя в две смыкающиеся лопасти. (ГМЭ, колл. № 665-4 и др.; см. рис. 29).

Фибулы, распространенные среди мордвы, имеют свои излюбленные и устойчивые сочетания, но точно локализовать их при том, в сущности, незначительном (около 100 экземпляров) и случайном материале, который имеется в Государственном музее этнографии, не представляется возможным.

Можно лишь грубо наметить, что для бывш. Городищенского уезда Пензенской губ. характерно большое количество проволоки (колл.

№ 821-7), а в Бугульминском уезде Самарской губ. преобладают параллельные ряды медных цепочек, на которых подвешены сплетенные ряды бус и монеток.

С гораздо большей долей вероятности можно говорить о распределении двух основных типов сьюльгамов между эрзей и мокшей. Вышеописанный первый тип всюду зарегистрирован, как эрзянский сьюльгам. Сьюльгам же второго типа, встречающийся и у мордвы-эрзи в с. Стандрово, бывш. Темниковского уезда Тамбовской губ., носит там местное название «мокшань сьюльгам» (колл. ГМЭ № 3454-45) и бытует в этом селе параллельно с 1-м типом (колл. № 3454-1377-78).

Мокшанский тип сьюльгама представляет собою медное круглое кольцо, имеющее сбоку подвижную иголку, переходящее внизу в треугольную пластинку величины, примерно, вдвое большей, чем само кольцо (кольцо бывает 2—4 см в диаметре). По середине пластинки идет глубокая бороздка, разделяющая ее очень явно на две самостоятельные части. Гравированный на них орнамент симметрично повторяется.

Есть районы, где оба типа сьюльгама бытуют совместно. Так, в с. Шокше, Теньгушевского района Мордовской АССР, в 1934 г., во время этнографических исследований по заданию Мордовского института культуры, нами было зафиксировано маленькое медное кольцо с булавкой и треугольной бляшкой внизу, без всяких украшений. Называли его «мокшань сьюльгам».

По словам одной из старух, Василисы Андреевой, такой сьюльгам носить стали на ее памяти, раньше же носили «эрзянь сьюльгам», который у нее еще сохранился в сундуке. Она показала его, это овальная пряжка с концами в виде шишечек (см. рис. 30). Следует добавить, что не только в сьюльгамах, но и во всем комплексе одежды и в языке этого района видно скрещение мокшанских и эрзянских элементов или, что может быть правильнее, остатки какой-то иной племенной группировки.

Если присмотреться, как прикрепляют к пряжке-фибуле украшения, станет понятен процесс ее эволюции, отмеченный археологами. Первоначальное различие двух типов овальной пряжки было в том, что в эрзянском варианте концы медного прутика носились вверх. Естественно, что подвесные украшения прикреплялись при этом к дужке фибулы. Если фибулу прикреплять так, что концы ее прихо-

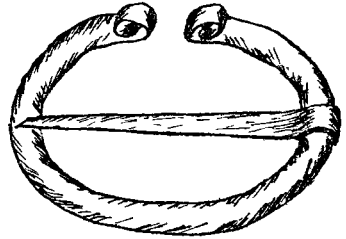

Рис. 30. Эрзянь сьюльгам (с. Шокша Теньгушевского района Мордовской АССР).
Материалы Н. И. Гаген-Торн.

дятся вниз, подвесные украшения, тоже располагающиеся по нижнему краю, переходят на самые концы. Этим и объясняется увеличение концов до размеров двух лопастей, как мы это видели на мокшанском сюльгаме.

Необходимость прикрепить украшения вызывает появление на пластинке сюльгама особых фестонов, колечек с отверстиями, сквозь которые пропускается проволока, скрепляющая ряды пуговиц, бус и ужовок (рис. 27, таблица В. В. Гольмстен, рис. 8, стр. 78).

Быть может, необходимость прикрепить украшения вызывает и самый рост пластинчатых концов пряжки. Нам представляется не совсем правильной мысль В. В. Гольмстен, что пряжка теряет при этом свое утилитарное значение.

Кажется вероятным предположить, что связь фибулы — пряжки с подвешенными украшениями не нова: пряжки, находимые в могильниках, быть может, просто не сохранили украшений, благодаря материалу, из которого они были сделаны. На это указывает то, что в раскопанных П. П. Ефименко на северо-западной части Чувашской АССР могильниках, относимых им к XVII в., на скрепляющих одежду грудных застежках очень часто встречаются с нижней стороны обрывки кожаной петли⁷.

Восстановить, как выглядели эти пряжки с кожаной петлей, поможет найденная нами в 1928 г. в чувашской дер. Орнары Цивильского уезда очень старая пряжка «шўлкеме». Она сохранилась у старухи 85 лет, которая сообщила, что во времена ее бабушки такой пряжкой в их деревне скрепляли рубашки все девушки и женщины. В других же деревнях их не носили⁸. Это овальная пряжка типа эрзянского сюльгама с иглой сбоку и куском кожи внизу, к которому прикрепляли украшения. Таким образом, оба вида сюльгама, эрзянский и мокшанский, представляют собой видоизменения очень древней для Поволжья дугообразной пряжки, обросшей различными украшениями, прикрепленными к нижней стороне. Наблюдая способ ношения, мы

⁷ Вещи из погребения находятся в Чувашском краеведческом музее в Чебоксарах.

⁸ Чувашская дер. Орнары и соседний по направлению к Волге район вообще имеет целый ряд этнографических особенностей: там, например, до последнего времени бытовал широкий, одеваемый на лоб «масмак» — начельш (совпадающий с башкирским «хараусом»), особый головной убор «чалма», чрезвычайно напоминающий марийские и удмуртские треугольные головные косынки. Там же нагрудные вышивки, известные повсеместно у чуваш, вплоть до самарских и саратовских чуваш, под названием «кёскё», носят особое название «сыпмала». Многочисленные бытовые особенности этого района заставляют предполагать здесь какой-то поздний колонизационный стык, что легко объясняется его близким расположением к Волге. На наш взгляд, присутствие здесь шўлкеме, в виде пряжки на рубашке, не встречающейся в других районах чуваш и не бытующей, обычно, с воротом, характерным для чувашской рубашки, может быть объяснено марийским влиянием.

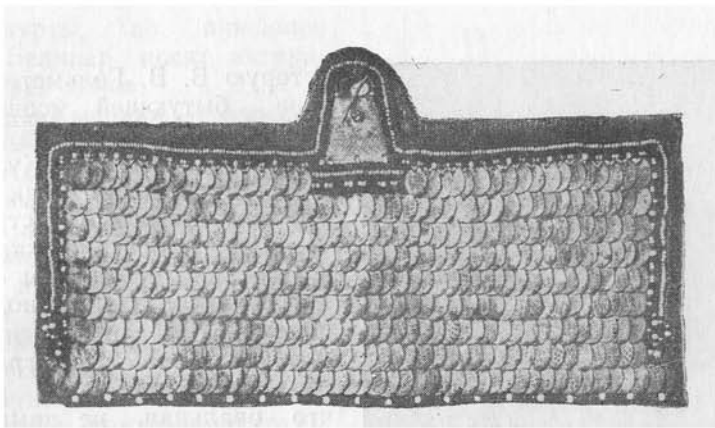

Рис. 31. Чувашские «сѣстенкѣ» — рудимент сьюльгама на нагрудном украшении «сурпан џакки».

МАЭ, колл. № 347—10/2. Фото А. В. Маторина.

видим, что эрзянский сьюльгам прикрепляется к рубашке всегда так, что сходящиеся концы дугообразного прута расположены вверх; на мокшанском же сьюльгаме концы дугообразного прута опущены книзу, к этим концам (лопастям) прикрепляются украшения, что и требует их разрастания.

Рудимент мокшанского сьюльгама бытует у горных марийцев и у чуваш на нагрудном украшении замужних женщин, носящем название «сурпан џакки». Оно представляет собой маленькую треугольную медную пластинку с кольцом и иголкой. Треугольник пересекает бороздки, разделяющие его на две слившиеся лопасти. Называется эта пластинка с кольцом «сѣстенкѣ» и располагается в верхней части большого куска кожи, обшитого бисером и монетами. Иголлка сѣстенкѣ настолько мала, что она не может удержать тяжелого украшения сурпан џакки, особенно там, где оно разрослось до большого кожаного прямоугольника (15×25 см), зашитого нухратками, как у чуваш-вирьял и у соседних с ними горных мари (см. рис. 31). У тех и у других сурпан џакки не носится отдельно, а составляет часть нагрудного украшения «шўлкеме», состоящего из двух скрепленных друг с другом кожаных прямоугольников, покрывающих всю грудь и одеваемых на ремне, перекинутом через шею (см. рис. 32). Среди этого громоздкого украшения маленькое медное сѣстенкѣ становится совершенно незаметным. Оно несколько больше видно в другом типе чувашского сурпан џакки, который распространен в районе анат енчи и имеет меньшие размеры (15×18 см) и форму треугольника, приближающую его к мордовскому сьюльгаму (см. рис. 16, стр. 39).

В верхнем углу этого треугольника помещается сѣстенкѣ, это та самая круглая пряжка из медной пластинки с отверстием в середине,

Рис. 32. Чувашская женщина (Марпосадский район Чувашской АССР). Нагрудное украшение «сурпан сакки».

Материалы А. Н. Львовой.

которую В. В. Гольмстен описала бытующей совместно с овальной пряжкой из металлического прута в Кузьминском могильнике, как было упомянуто выше (см. стр. 77). Очевидно, обе пряжки бытовали, или во всяком случае встречались, совместно, как показывают археологические материалы. На этнографических материалах мы видим, что овальная, не замкнутая пряжка существует у мордвы, органически связанный с ней рудимент пряжки входит в нагрудное украшение или в подвеску к головному полотенцу — сурпану у чуваш, а круглая пластинка с иглой и отверстием в середине встречается у мари, хотя в некоторых районах у них встречается и овальная не сомкнутая пряжка. Ворот мариjsкой рубашки часто застегивается несколькими пряжками, скрепленными одна над другой.

НАГРУДНИКИ

Для женской рубашки 1-го типа характерно скрепление грудного разреза при помощи пряжки-фибулы. Рубашка 2-го типа не носится с нагрудными пряжками. Шейный вырез ее, плотно облегающий шею, в старых формах рубашки не застегивался, а завязывался у самой шеи при помощи тесемок или шнурков. Грудной разрез оставался ничем не скрепленным, не имел подполка и оставлял на груди открытую щель. Чтобы закрыть тело, женщина употребляла особую часть одежды — нагрудник. В наиболее простом виде нагрудник — это кусок холщовой ткани, одеваемый под рубашку так, чтобы прикрыть грудь женщины. Его завязывали тесемками сзади на шее и на спине, ниже лопаток. Холст покрывали вышивкой. Такие матерчатые нагрудники встречаются у удмуртов, бесермян, чуваш, башкир, казанских татар, кряшен, мишарей.

Удмурты, по описанию В. Н. Белицер, носят нагрудники трех типов:

а) «Кыкрак» — четырехугольный кусок холста размером от 26×34 см до 28×36 см, с завязками по углам, завязывается вокруг шеи и под лопатками. Эти нагрудники бывают вышиты или обшиты ситцем, лентами, бархатом и позументами, которые видны в разрез рубашки. Они носят-ся замужними женщинами под рубашкой и прикрывают грудь. Девушки не носят их, так как грудной разрез девичьей рубашки значительно короче, чем рубашки замужней женщины. В. Н. Белицер подчеркивает, что нагрудник этого типа и с этим названием бытовал у южных удмурток, в районах Граховском, Алнашском, Мало-Пургинском и других, расположенных на границах с Татарской и Башкирской республиками, и считает его заимствованием из татарского и башкирского костюма, так как у этих народов есть аналогичные нагрудники⁹.

б) «Кабачи» — продолговатый кусок холста размером 20×40 см, сплошь зашитый черным и красным шелком с добавлением синей и коричневой шерсти. «Более ранние образцы вышивались серебряными и золотыми нитями. Орнамент часто состоял из солярных мотивов, изображений птиц и конских головок. К концу XIX в. вышитые шелком нагрудники выходят из употребления и заменяются более простыми (муресазь), сшитыми из разноцветных кусков материи с очень незначительной вышивкой, сделанной техникой креста.

Рис. 33. Нагрудник удмуртов «кабачи» (Глазовский уезд Вятской губ.).

ГМЭ, кол. № 363-1. Фото А. В. Маторина.

⁹ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 45—46.

Нагрудник кабачи носили молодые замужние женщины, а муресазь носят в настоящее время более пожилые удмуртки поверх белой рубашки, прикрепляя его завязками таким образом, что он бывает виден из расходящихся пол верхней летней одежды (шортдэре-ма)»¹⁰, — пишет В. Н. Белицер, прибавляя, что кабачи принадлежат северным удмуртам, а муресазь встречается и в северных и в южных районах. В. Н. Белицер не указывает их различия или генетической связи. С нашей точки зрения, их можно рассматривать как один и тот же нагрудник, претерпевший изменение во времени, характерное для всего комплекса одежды в течение XIX в., когда на смену вышивке приходит аппликация из яркой покупной материи. Помня, что эта замена совершенно закономерна для всего Поволжья, можно принять кабачи и муресазь за два этапа того же нагрудника, одеваемого поверх белой рубашки, в то время как другой тип, «кыкрак», одевается на голую грудь под рубашку. Какой прием ношения нагрудника является исконным для удмуртской одежды? Ответить на это довольно затруднительно, и мы не имеем для этого данных, но приписывать прием ношения нагрудника под рубашкой татарскому влиянию, как это делает В. Н. Белицер, у нас тоже нет достаточных оснований: нагрудники носили под рубашкой не только татарки и башкирки, но и бесермянки и чувашки.

Ношение нагрудника под рубашкой или поверх нее кажется нам связанным с тем, носится ли одна рубашка, в качестве выходного платья, или надевается на нее еще верхняя одежда. Там, где женщина носит одну рубашку, матерчатый нагрудник удобно надеть непосредственно на тело, прикрыв им разрез рубашки; там же, где носится поверх рубашки верхняя одежда, — нагрудник одевается на рубашку и виден в разрез верхней одежды. Мы встретимся далее у татар и башкир, с тем, что нагрудник принимает на себя украшения ворота самой рубашки. Нужно особо отметить для шейных и нагрудных украшений несоответствие между бытованием названия и самого предмета: часто аналогичный предмет имеет разные названия и одинаковый корень слова относится к разным по происхождению вещам. Быть может этим объясняется различие у удмуртов между «кабачи» и «муресазь».

В быв. Глазовском уезде Вятской губ. у удмуртов бытовал нагрудник «кабача», десятки экземпляров которого есть в коллекциях ГМЭ. Опишем один, типичный, из колл. № 363-1: прямоугольный кусок холста 39×21 см окантован полоской покупной материи. Середина вышита алым шелком в контурах черной шерсти. Орнамент

¹⁰ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 45.

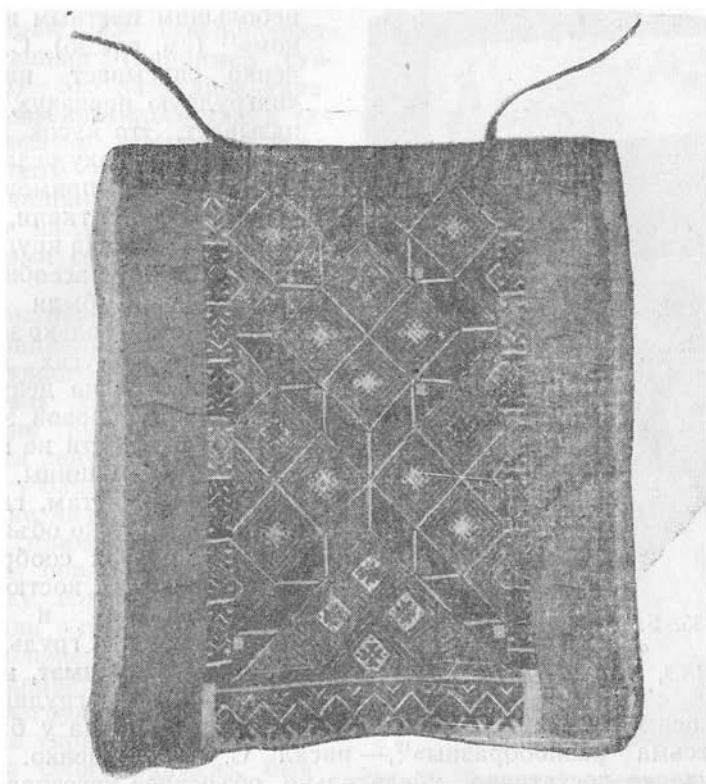

Рис. 34. Нагрудник бесермян «муресазь» (Глазовский уезд Вятской губ.).

ГМЭ, coll. № 1111-14. Фото А. В. Маторина.

геометрический, шов — полугладь косога стежка. К верхнему краю пришиты нитяные завязки (см. рис. 33, стр. 85).

Чрезвычайно похожие нагрудники у бесермян Глазовского уезда носили название «муресазь». Они тоже представляли собой прямоугольный кусок холста, отороченный покупной материей и вышитый алым шелком геометрическим узором той же техники (см. рис. 34). Название «муресазь» не специфично для бесермян, оно встречается, как мы отмечали, и у удмуртов. Холщовый вышитый нагрудник бытует и у других народов Поволжья.

Башкирки носили под рубашкой нагрудник, который назывался «тушелдерек» или «кукрэксэ». В. М. Черемшанский писал о нем: «Прорезь на груди обыкновенно делается широкая и закрывается

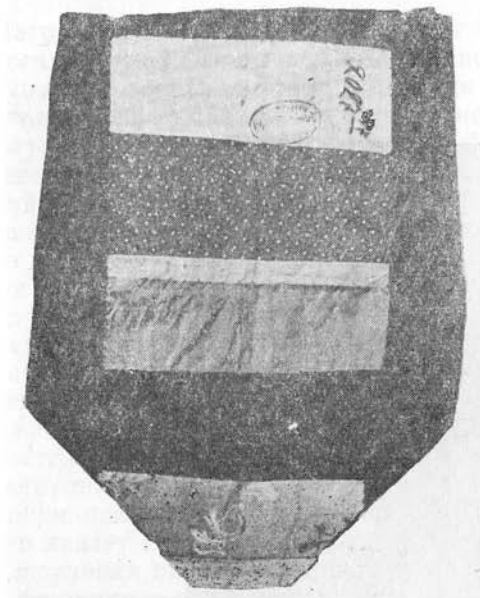

Рис. 35. Башкирский нагрудник
«кукрэкс».
МАЭ, coll. № 2027—17.

небольшим цветным нагрудником»¹¹ (см. рис.35). С. И. Руденко описывает нагрудник, «нагрудную повязку», как он называет. Это кусок ситца, с загнутыми сверху углами и нашитым на него прямоугольным куском цветной ткани, по которой идет вышивка крупных цветов. Он не имел всеобщего распространения, были деревни, где его носили только замужние женщины, в других деревнях его одевали и на девушек, по достижении половой зрелости, в третьих — почти не носили и замужние женщины. «Отсутствие повязки там, где мы ее не находим, легко объясняется, помимо других соображений, употреблением костюмов, застегивающихся и наглухо прикрывающих грудь, таких, как камзул, бишмэт, или кээзи, а также нагрудных укра-

шений, носимых поверх сорочки. Украшения этого рода у башкирок были весьма разнообразны»¹², — писал С. И. Руденко. Мнение С. И. Руденко достаточно убедительно объясняет исчезновение нагрудника у башкирок, — его функции перешли к нагрудным украшениям.

Мы можем наблюдать ряд форм, на которых ясно виден процесс перехода. У башкирок к югу от р. Белой было нагрудное украшение «тушелдерек» или «изеу», представлявшее собой следующее: на кусок материи лопатообразной формы нашивались два-три ряда полосок лент или яркой материи, подражая обшивке рубашки. К этим лентам пришивали серебряные монеты или круглые металлические бляхи. Нередко весь нагрудник обшивали позументом. Ленты и позумент были расположены вокруг грудного разреза на рубашке, и назывался этот нагрудник тоже, как украшение грудного разреза на рубашке, «изеу». Чаще всего такой нагрудник встречался в южной

¹¹ В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии, стр. 155.

¹² С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 181.

Башкирии. «У северо-западных башкир (например гайнинцев) это нагрудное украшение превратилось уже в так называемый утырма унер, роскошный нагрудник богатых женщин из бархата с нашитым на нем позументом и крупными серебряными монетами»¹³.

С бытованием аппликаций из параллельно нашитых вокруг грудного разреза рубашки лент мы сталкивались при описании рубашки. Назывались эти ленты «изу» у татар и «изеу» у башкир. То же самое название «изеу» или «алмаизеу», применявшееся к одеваемому поверх рубашки нагруднику, сохранение на нем имитации грудного разреза в расположении лент как бы подчеркивает, что это нательный нагрудник, превратившийся в украшение и перенесший на себя орнамент, бывший раньше на одеваемой поверх него рубашке.

У татарок нагрудник «кукрэчки» надевался на голое тело и был виден в разрез ворота рубашки; он представлял собой кусок материи, варьирующий от 20×30 см до 25×40 см, со скошенными верхними углами. К этим углам пришивались завязки, которыми кукрэчки завязывался сзади на шее. Иногда, вместо завязок или параллельно с ними устраивается нечто вроде лямок, один конец которых пришивается к верхним углам, а другой к нижним углам. Эти лямки одеваются через руки и, при помощи их, кукрэчки держится на плечах. На среднюю часть нагрудника, видную в разрезе рубашки, нашивается второй слой более яркой материи, и часто она еще богаче вышивается

Рис. 36. Татарский нагрудник «кукрэчки»,
По Н. И. Воробьеву.

¹³ С. И. Руденко. Башкиры, стр. 182.

шелками. Носили подобные нагрудники только замужние женщины, а девушки не носили¹⁴. (См. рис. 36).

Подобный же нагрудник «кукрэк» носился сергачскими мишарями. Он представлял собою кусок кумача (47×57 см) со скошенными верхними углами и пришитыми к ним шнурками, при помощи которых завязывался сзади на шее. Средняя часть была украшена шелковыми лентами и монетами¹⁵. Помимо кукрэка, носимого под рубашкой, у мишарей, по материалам профессора С. П. Толстова, имелся еще нагрудник, тоже называемый «кюкрэк», который носился поверх рубашки. Он обладал несколько иной формой: закругленным нижним концом и вырезом для шеи. Сделан он из гораздо более плотной материи, часто из бархата, на плотной холщовой подкладке. По бархату нашивались монеты 20-тикопеечного достоинства, а сверху, двумя рядами, перламутровые пуговицы (колл. бывш. Музея ЦПО). В этом случае, как и у башкир, мы имеем переход от нагрудника к нагрудному украшению.

У казанских татар одно и то же название «изу» сохранялось как за нашитыми на кульмэк, вокруг грудного разреза, лентами, так и за особым, одеваемым на грудь украшением. Это был лопатообразный кусок материи, колленкора или холста, на который нашивались ряды позумента, парчовых лент, блях и украшений, причем в середине его остается разрез или имитация разреза, который скреплен блясками и обшит кругом лентами. В верхних углах изу пришивались завязки, укрепляемые на шее, а снизу он пришивался к кульмэку¹⁶.

Это изу — нагрудное украшение, совершенно ясно хранит еще следы своего происхождения от изу — лент, украшавших грудной разрез рубашки (см. рис. 37, стр. 91).

Превращаясь в украшение, нагрудники становятся бархатными, богато украшенными позументами и крупными серебряными монетами или сплошь украшаются рядами серебряных монет и кораллов.

В процессе дальнейшей эволюции нагрудник получает различные варианты. У одной и той же народности он имеет то лопатообразную форму «накал» (в центральной Башкирии), то прямоугольную форму — «селтэр» (у южных башкир). В монографии С. И. Руденко по башкирам имеется их описание, и поэтому не будем останавливаться на них подробнее¹⁷.

Нам важно установить, что у ряда народностей Поволжья наблюдается тот же процесс: переход куска ткани, несущего функцию защиты груди и связанного с грудным разрезом рубашки, в особое на-

¹⁴ Н. И. Воробьев. Казанские татары. Казань, 1953, стр. 244—245.

¹⁵ Материалы С. П. Толстова. В бывш. колл. Музея ЦПО.

¹⁶ Н. И. Воробьев. Казанские татары, стр. 300—301.

¹⁷ С. И. Руденко. Башкиры, стр. 182—183.

грудное украшение. При сравнительном анализе можно установить стадии перехода от матерчатого вышитого нагрудника к нагруднику, хранящему имитацию ворота рубашки, и далее — к куску материи или кожи, зашитому монетами, кораллами и позументом. Матерчатые и кожаные нагрудные украшения самого разнообразного типа генетически связаны с одеваемым для прикрытия разреза рубашки куском материи. Если брать нагрудные украшения и нательные нагрудники одной народности, — они носят и под рубашкой и на рубашке, — переходные формы выпадают, и происхождение нагрудных украшений становится неясным. Но если пересмотреть целый ряд народностей, нагрудные украшения предстанут, как варианты нательного нагрудника, связанного с воротом рубашки. В силу этой связи нагрудные украшения часто соединяются с шейными украшениями.

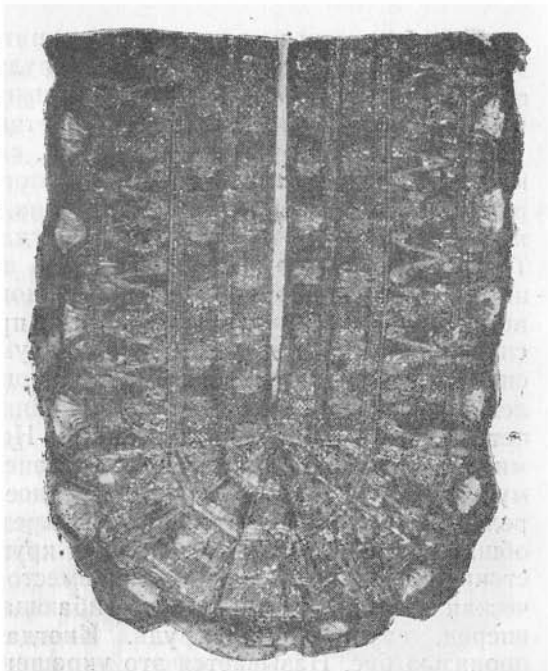

Рис. 37. Татарское нагрудное украшение «изуз» (г. Казань).

ГМЭ, coll. № 1177-14. Фото А. В. Маторина.

ШЕЙНЫЕ УКРАШЕНИЯ

Шейные украшения у народностей Поволжья разделяются на две категории: 1) шейные украшения, связанные с устройством ворота рубашки и являющиеся как бы отрезанным от рубашки воротником. Основой таких украшений служит кусок ткани, и в них сохраняется непосредственная связь с одеждой. 2) Шейные украшения — подвески. Они сделаны из бисера, бус, раковин-ужовок, с большим или меньшим добавлением монеток.

Шейные украшения, связанные с устройством ворота, закрепляют шейный вырез рубашки туникообразного типа, не имевшей нагрудной застежки.

Подобно тому как ничем не подшитый грудной разрез рубашки этого типа порождает ношение нагрудника, шейный вырез рубашки прикрывается особым матерчатым ожерельем, представляющим собой как бы отдельный, отрезной воротник.

Присутствие воротника ожерелья, «жерёлок», как его называли у южных русских¹⁸, характерно для целого ряда народностей, имеющих рубашку с воротом указанного типа. У чуваш это ожерелье имеет несколько вариантов, бытующих иногда в одной и той же местности. Так в селе Ахманей Татаркасинской волости, Чебоксарского уезда, носили «суха» — ожерелье из овального куска холста (или кожи). выкроенного так, чтобы он плотно прилегал к шее. Он был зашит сплошь лежащими друг над другом двумя-тремя рядами монет, в зависимости от состоятельности, 15 и 20-копеечного достоинства и окаймлен сверху рядом бисера. Сзади на спине имелась пуговица и нитяная петля, которые служили застежкой. Носилась суха только девушками. Параллельно с этим, в селе Ахманей носилось и девушками и замужними женщинами другое нашейное украшение, похожее на ожерелье. Оно состоит из такого же вырезанного по шее куска холста, обшито бисером сверху и рядом крупных монет, 50-копеечного достоинства внизу. К нему сзади, вместо застежки, пришита металлическая цепочка, 1,5 м длины, огибающая шею и перекидывающаяся вперед, спускаясь на грудь. Иногда концы ее соединены внизу пронизью бус. Называется это украшение «чепчушка» или «вйчара», т. е. «цепочка».

В Аликовской и Норусовской волостях Ядринского уезда суха носилась вместе с нагрудником. В Богородской волости Чебоксарского уезда и в Цивильском уезде ожерелье, слившееся с нагрудником, носило название «ама».

В Хормалинской волости Батыревского уезда было аналогичное ожерелье, состоящее из холста, на который сплошь нашиты два ряда монет, верхний ряд 20-копеечного достоинства, а нижний ряд 25-копеечного достоинства, с пятью рублевками в середине, называемое «мй сыххи».

В Шемуршинском районе в 1957 г. еще употребляли на праздниках, когда одевались в национальные костюмы, шейное украшение из монет, называемое здесь также «мй сыххи» (деревня Новая Шемурша). Это была вырезанная овалом, простеганная полоса черной материи, на которую нашито 2 ряда крупных серебряных монет. Ожерелье это плотно облегало шею. Сзади к нему прикреплена опускающаяся на спину подвеска из спаянных металлическими кругами серебряных монет, носящая название «шанкарда».

¹⁸ Д. К. Зеленин. Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin, 1927.

В селе Трех-Изб-Шемурша к «мáй сыххи», плотно прилегающему к шее ожерелью из материи с нашитыми вплотную, в два ряда, рублевыми монетами, на спину не прикрепляли никакого украшения; наспинное украшение из бисера скреплялось с нагрудным украшением «алка» — полосой кожи 5—6 см ширины, 10 см длины, сплошь зашитой рядами нухраток и монет. Алка скреплялась шнурками с двумя полосками материи, на каждой из которых вплотную нашит ряд пуговиц, а вниз опускается разноцветная бисерная бахрома, каждая ниточка которой оканчивается 10-копеечной монеткой. Называлось это наспинное украшение «шáрса шерепе». (См. рис. 38).

В деревне Старые Чукалы того же Шемуршинского района это наспинное украшение скрепляли не с алка, а с мáй сыххи. «Мáй сыххи» в Старых Чукалах называли проволочную дугу, обшитую полоской красной материи. По верхнему краю материи идет нитка крупных белых бус и нитка бисера. Ниже — ряд рублевых монет. Во всем Шемуршинском районе ниже ожерелья из монет одевалось нагрудное украшение «мáя» и перевязь через плечо «теветь». Важно отметить, что названия того же украшения — ошейника у чуваш меняются в различных местностях, но это все тот же ошейник, прикрепляющий ворот рубашки у девушек, а у женщин плотно придерживающий на шее головное полотенце сурпан.

У казанских татарок тоже были подобные ожерелья-воротники. В своей работе «Материальная культура казанских татар» Н. И. Воробьев описывал шейные украшения «чылбырг», которые «представляют собой высокие жесткие воротники, сделанные из позумента или реже, из цветных лент, сверху, по середине воротника, скрепленных узкой полосой позумента»¹⁹. Одевались эти воротники, плотно прилегающие к шее, так, чтобы придерживать шейный вырез кульмэка. Воротник «чылбырг» скреплялся двумя металлическими пряжками с подвесками или монетами на цепочках. Пряжки назывались «яка чылбыры». Причем сам воротник уже вышел из употребления, и во

Рис. 38. Наспинное украшение «шáрса шерепе» (дер. Трех-Изб-Шемурша Шемуршинского района Чувашской АССР). Фото Н. И. Гаген-Торн.

¹⁹ Н. И. Воробьев. Материальная культура казанских татар. Казань, 1930, стр. 399—403.

Рис. 39. Марийское нагрудное украшение
(Елабужский уезд Вятской губ.).
ГМЭ, колл. № 204-50 а.

К плотно облегающему шею матерчатому воротнику с рядами бисера и фарфоровых пуговиц пришивали нагрудник, сплошь зашитый крупными серебряными монетами (см. рис. 39).

То же сочетание ошейника и нагрудника было в удмуртском украшении, экземпляр которого имеется в коллекциях ГМЭ, колл. № 593-52 (см. рис. 40).

Это облегающее шею ожерелье из холста, сплошь зашито сверху серебряными монетами 10-копеечного достоинства. Оно застегивалось сзади на пуговицу. Спереди к нему снизу пришита длинная и узкая полоса холста, тоже зашитая рядами серебряных монет 15-копеечного достоинства, вверху по 3, внизу по 4 монеты в ряд. Полоса расположена так, что прикрывает разрез рубашки, наглядно пока-

втором издании книга Н. И. Воробьева почти не упоминает о нем, останавливая внимание на металлических пражках, разросшихся в самостоятельные украшения²⁰.

У башкир имелся такой же ошейник, «теркэмэ һырга», из полосы материи овальной формы, плотно прилегающей к шее. На ней в три ряда нашивались монеты, а вверху — полоска бус или кораллов, как и на чувашском украшении сұха. «В том случае, когда теркэмэ несколько увеличивалась в размерах и принимала форму квадрата или продолговатого прямоугольника, получалось уже нагрудное украшение»²¹, — писал С. И. Руденко, считая, что многие нагрудные украшения башкир развились из шейных украшений.

Сочетание шейного и нагрудного украшения было у мари быв. Елабужского уезда Вятской губернии.

²⁰ Н. И. Воробьев. Казанские татары, стр. 288—292.

²¹ С. И. Руденко. Башкиры, стр. 181.

зывая цель, породившую ношение нагрудника. Г. Н. Потанин так описывает этот нагрудник «чъркертэт» из Елабужского уезда: «Спереди к ошейнику пришита пластина в виде языка, прикрывающая разрез рубахи, которая тоже украшена монетами, нашитыми в пять рядов»²². В. Н. Белицер приводит несколько отличное название украшения, «чъртывесь», бывавшее в Пычасском районе в 30-е годы XX века²³.

Бесермяне носили ошейник «силът» — холщовую полоску, расширенную шелками и украшенную пуговицами (колл. ГМЭ, № 1111-39).

Подобный ошейник — «жерёлок» был и у южных русских и у русской мещеры. Он был широко распространен в районе русской мещеры, бывш. Спаского у. Пензенской губернии и соседнего Моршанского у. бывш. Тамбовской губернии²⁴, представляя собой полоску материи, обычно красной (2—2½ см ширины), на которую были нашиты пуговицы и бисер или несколько рядов позумента. Его одевали на шею около ворота рубашки и застегивали сзади на пуговицу. В коллекциях ГМЭ имеется целый ряд подобных шейных украшений русских, относящихся к Севскому и Дмитровскому уездам бывш. Орловской губ., Тамбовскому уезду бывш. Тамбовской губ. и Бирючскому уезду бывш. Воронежской губ. Сюда же может быть отнесен и «язык», встречаемый в Гамаюнщине, по описанию Н. И. Лебедевой и М. Е. Шереметевой²⁵.

²² Г. Н. Потанин. У вотяков Елабужского уезда. ИОАИЭ, т. III, Казань, 1882, стр. 197.

²³ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 76.

²⁴ Материалы экспедиции ГАИМК 1928 г. Н. Ф. Прыткова и Н. И. Гаген-Торн.

²⁵ Н. И. Лебедева. Народный быт, стр. 107.

М. Е. Шереметева. Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины. Калуга, 1925, стр. 29.

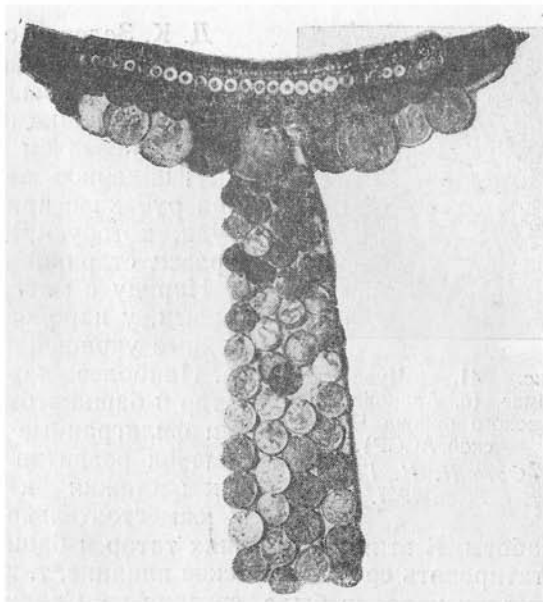

Рис. 40. Удмуртское нагрудное украшение.
ГМЭ, колл. № 593—52.

Рис. 41. Чувашское «ама» (с. Аликово Аликовского района Чувашской АССР).

Фото Н. И. Гаген-Торн. 1927.

Д. К. Зеленин считает этот отрезной воротник-ожерелье свойственным старой восточнославянской рубашке, указывая, что древняя русская рубашка не имела воротника, а носилась с ожерельем (гривной, обнизью, ожерёлком); подобное же ожерелье имела украинская рубаха с прямым вырезом на середине груди, которую Д. К. Зеленин приводит, как образец старинной рубахи «голошейки».

Наряду с матерчатыми ожерельями-воротниками, у народов Поволжья существовали шейные украшения из камня, стекла и металла. Наиболее характерными для казанских татар и башкир были металлические чеканные или филигранные украшения. Н. И. Воробьев отмечал развитие этих украшений, описывая, как застежки к воротнику превращаются в самостоятельное украшение ювелирной

работы. В этих украшениях татар и башкир несомненно можно констатировать среднеазиатское влияние, т. к. богатая торговая прослойка этих народов была связана со Средней Азией многими нитями. У других народов Поволжья таких украшений наблюдалось значительно меньше.

У некоторых народов Поволжья достигли значительного развития украшения из монет. Они иногда близко совпадают у разных народностей, имея различное наименование. В то же время под одним названием бытуют разные украшения. Под названием «ама» у чуваш мы уже описали украшение из монет, связанное с ожерельем. Под тем же названием «ама» (ожерелье) бытуют различные нагрудные украшения: 1) в монографии «Чуваши» описывается украшение «ама» в виде двух перекинутых через шею и спускающихся по груди до пояса полос, зашитых крупными монетами²⁶. Совершенно аналогичное украшение имеется у некоторых групп мари.

2) В Аликовской, Норусовской, Асакасинской волостях Ядринского уезда нам встречалось в 1928 г. ама в виде зашитого крупными серебряными монетами четырехугольника 30 × 40 см, одевавшегося на шею при помощи тесемок или скреплявшегося с наспинным украшением «пуç хыç». Это украшение приближается к башкирскому лакал (см. рис. 41). Но у чуваш существовали нагрудные украшения

²⁶ Проф. Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. Чуваши. Этнографическое исследование. Часть I, Чебоксары, 1956, стр. 324—325.

Мордовское поясное украшение «пулай». Коллекция ГМЭ.

из монет, носившие и совсем другое название. Название здесь опять не связано с самой вещью.

Это нагрудное украшение под названием «шўлкеме» носилось чувашами вирьялами и анат енчи в Ядринском и Чебоксарском уездах. Оно представляет собой прямоугольный кусок кожи, 10—12 см ширины и 20 см длины, который носился длинной стороной поперек груди. Кусок кожи сплошь зашит, как чешуей, мелкими монетами или, на более бедных экземплярах, жестяными, имитирующими старые монеты, бляшками «нухратками». Нухратки окаймлены одним-двумя рядами бисера и по краю монетами. К верхним концам пришита широкая петля, одеваемая через шею у девушек и скрепленная со вторым верхним куском кожи, тоже зашитым монетами, у замужних женщин. (См. рис. 42).

Верхняя часть этого составного украшения носит название «сурпан сакки», т. е. подвеска к «сурпану», и носится только замужними женщинами, которые носят головное полотенце «сурпан». Нижняя же часть, как и все украшения в целом, называется в других местах Ядринского уезда «шўлкеме». Слово «шўлкеме» несомненно связано с «ширкама» марийцев, «сюльгам» мордвы (см. выше). И то и другое обозначает застежку, скрепляющую рубашку 1-го типа. Шўлкеме же чуваш отнюдь не является застежкой и не имеет ее рудимента. Рудимент застежки, называемый «сештенкё», пришивается к верхней части украшения сурпан сакки. Слово «шўлкеме», потеряв свой смысл, перешло на украшение, примыкающее к группе нагрудников, сделанных из кожи и покрытых монетами.

В то же время «сештенкё» — рудимент нагрудной застежки — получил связь с головным полотенцем сурпаном. Подвешенное к сурпану, это украшение у чуваш и у мари служит тому, чтобы оттянуть на грудь обертывающее шею головное полотенце.

Не перечисляя всего многообразия украшений из монет, бытовавших в Поволжье, то связанных с ожерельями, то примыкающих к чисто нагрудным украшениям, следует лишь отметить очень большое сходство их с болгарскими украшениями из монет. В коллекции ГМЭ

7. Н. И. Гаген-Торн.

Рис. 42. Чувашские нагрудные украшения: а) сұха, б) ама, в) сурпан сакки, г) шўлкеме. (с. Аликово Аликовского района Чувашской АССР).

Фото Н. И. Гаген-Торн.

Рис. 43. Болгарское нагрудное украшение из серебряных монет.
ГМЭ, coll. № II—Ж 2332.

Рис. 44. Болгарское нагрудное украшение (г. Свищов).
МАЭ, coll. № 372—52.

есть болгарское нагрудное украшение, очень близкое к чувашским, марийским и удмуртским нагрудникам. Это кусок ткани, вырезанный овалом по шее, с застежкой сзади, сплошь зашитый крупными монетами (см. рис. 43).

В коллекциях МАЭ имеются также болгарские матерчатые нагрудники из алого сукна, обшитые позументом, бисером и монетами. При помощи завязок они закрепляются на груди, видимо, поверх рубашки (coll. № 372-52, 53; см. рис. 44).

ПЕРЕВЯЗЬ ЧЕРЕЗ ПЛЕЧО

Необходимо остановиться еще на одном украшении, непосредственно не связанном с комплексом одежды. Его широкое распространение почти у всех исследуемых нами народностей указывает на их культурную общность. Несмотря на различные названия у разных народов или в разных группах той же народности, это, несомненно, один и тот же атрибут одежды (видимо, имевший и одинаковое осмысление) — перевязь, одеваемая на левое плечо под правую руку. У татар она носит название в одних районах «хэситэ», в других — «дэуат». Наиболее типичной «хэситэ» Н. И. Воробьев считает полосу ткани шириной от 5 до 10 см, с длиной хорды 30—35 см; под ткань, для твердости, подкладывали картон. На ткань нашивались цепочки, металлические бляхи, жетоны, монеты, пуговицы. Часто предметы, которые были нашиты, не могли служить украшениями, а были амулетами, талисманами. В некоторых районах к нижнему краю перевязи, под правую руку, пришивался мешочек с молитвой или заклинанием, а иногда металлический футляр для корана.²⁷

Иногда хэситэ у казанских татар делали не из полосы ткани, а из одних металлических четырехгранных блях, соединенных шарнирами, к которым тоже на шарнирах прикреплялся еще ряд блях. В этом нельзя не видеть прямую связь с перевязью, которую носили туркменские женщины. Она состояла из филигранно сделанных металлических блях со вставленным внутри каждой бляхи цветным стеклышком, изображающим камень. Бляхи были скреплены шарнирами. Внизу под правой рукой к ним прикреплялся металлический футлярчик для корана или небольшой мешочек с молитвою (коллекция ГМЭ, см. рис. 24, стр. 64).

Башкиры носили перевязь с левого плеча под правую руку, и у них она в одних районах называлась «эмэйзэк», а в других — «дэуэт». Еще П. С. Паллас описывал это украшение в Исетской провинции. Оно состояло из полосы материи в 15—20 см ширины, зашитой рядами кораллов и мелких серебряных монет, с коралловой бахромой по нижнему краю. В северо-западной Башкирии перевязь называлась «дэуэт». На него нашивали не кораллы, а монеты, камни, вделанные в ажурные бляхи, и полосы мишуры. В тех же районах, где носили дэуэт, носили другую перевязь, хэситэ, которая считалась не только украшением, но и оберегом, так как на ней были нашиты талисманы, амулеты, изречения из корана²⁸.

²⁷ Н. И. Воробьев. Казанские татары, стр. 303.

²⁸ С. И. Руденко. Башкиры, стр. 187.

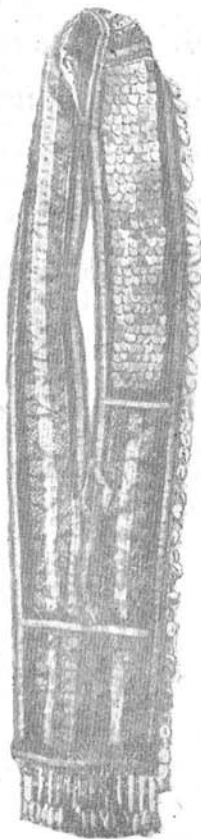

Рис. 45. Наплечное украшение «теветь». Чуваш-вирьялы.
МАЭ, coll. № 347.²⁰/₂.

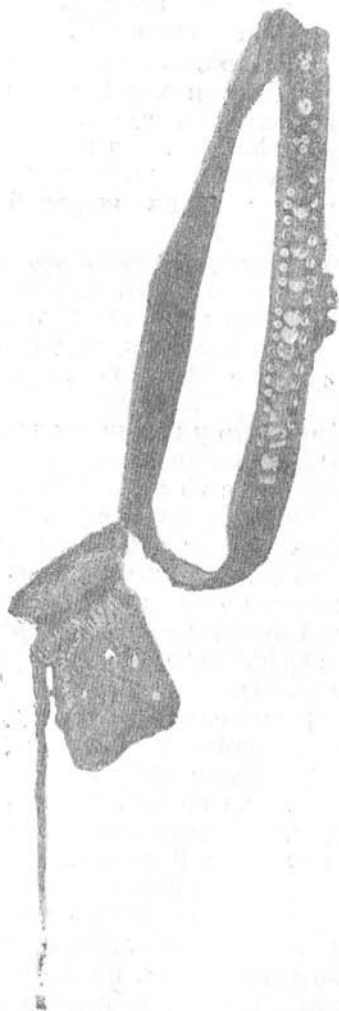

Рис. 46. Наплечная перевязь бесермянок (Глазовский уезд Вятской губ.).
ГМЭ, coll. № 1111-47.

Удмуртские женщины тоже носили перевязь через левое плечо, под правую руку; она известна в разных районах под разными наименованиями и отличается по виду в разных районах Удмуртии.

В бывш. Глазовском уезде это была широкая лента с нашитыми на нее серебряными монетами и бусами. В быв. Малмыжском уезде эта холщовая лента, покрытая кумачом с нашитыми монетами, жетонами и пуговицами, носила название «сюмысбырттан». Термин «сюмыс» (русск.— кожа), возможно, указывает на первоначальное употребление кожаной, а не холщовой полосы. У южных удмуртов перевязь называлась «бутьмар» и тоже имела свои отличия. В. Н. Белицер, описав различные перевязи удмуртов и дав сравнительный материал, приводит точку зрения Н. И. Воробьева, что перевязь развилась из «бõти» — амулета или мешочка с зашитой в него молитвой²⁹. Н. И. Воробьев дал подробное описание наплечной перевязи у казанских татар, указав, что их имеется два вида: один развился из бõти — мешочка с охранительными молитвами, который у мусульман в обычае носить на себе, а вторую группу представляют собой перевязи из материи, на которых мы при всем старании не можем найти амулета.

У чуваш бытовали два типа перевязи, «теветь». У низовых чуваш (анатри) это была полоса холста, зашитая монетами, как и у кряшен. У анат енчи на обшитую красной материей полосу холста нашивались бусы, раковины-ужовки и ряд мелких бляшек «нухраток» (см. рис. 45). Бесермяне носили перевязь, очень близкую к перевязи чуваш анат енчи (см. рис. 46). Не повторяя большой литературный обзор о широком распространении перевязи через плечо, приведенный Н. И. Воробьевым и В. Н. Белицер, можно лишь отметить, что в оформлении перевязи ясно намечается два типа: 1) Перевязь с металлическими украшениями часто носится со специальным мешочком для молитв или заклинаний. Она, как убедительно показал Н. И. Воробьев, развилась в силу мусульманского обычая носить изречения из корана, молитвы и заклинания. 2) Перевязь из ткани красного цвета с вышивкой и нашитыми на нее раковинами и бисером не имеет никаких амулетов, потому что сама красная ткань и ракушки-ужовки уже являются оберегами³⁰, подобно тому, как это наблюдается в поясных украшениях.

²⁹ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 77—78.

³⁰ О значении ткани как оберега см. нашу статью «Обрядовые полотенца у народов Восточной Европы».